

К Н И Г А

Слово *книга* известно русскому и другим славянским языкам с древнейших времен: русское *книга*, древнерусское *кънига*, белорусское *кніга*, украинское *книга*, старославянское *кънигы* 'буквы, алфавит, записка, книга, письмо, текст' (употреблялось только во множ. числе), болгарское *кни́га* 'книга, письмо, грамота, бумага (для письма)', сербскохорватское *књи́га* 'книга, письмо, журнал, учение, бумага', словенское *knjiga* 'книга, литература', чешское и словацкое *knih*, польское *księga*, верхнелужицкое *knih*, нижнелужицкое *knigwu* (множ. число).

Современные славянские языки получили это слово в наследство от древнейшего общеславянского языка-основы, из которого они произошли. На вопрос «как появилось общеславянское наименование *кънига* в славянском языке-основе?» языковеды дали множество ответов. Одни считали его исконным славянским, другие видели здесь очень древнее общеславянское заимствование то из древнего китайского *king* 'книга', то из ассирийского *kuukku* 'печать' через посредство армянского *knik* (*kənik*) 'печать', то из древнескандинавского (варяжского) *kenning* 'познание, учение'. Однако все эти объяснения не вполне удовлетворяли специалистов по славянским языкам, ибо оставались необъясненными многие вопросы, связанные со звуковой стороной слова,

значением, путями его исторического движения к славянам. Не случайно поэтому известный французский лингвист Антуан Мейе в книге «Общеславянский язык» (русский перевод: М., 1951) не счел даже нужным излагать все гипотезы, а лишь ограничился неопределенным замечанием: «Общеславянское слово *кни́зы* имеет, по-видимому, восточное происхождение, но мы не знаем, через какое посредство оно пришло в славянские языки». Обзор существующих гипотез о происхождении всеславянского культурного термина *кни́га* можно найти в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, где названо до тридцати исследований, затрагивающих вопрос о загадочном славянском слове.

Наиболее правдоподобной выглядит попытка финского языковеда-тюрколога Мартти Рясянена проследить историю слова как древнего китайского заимствования, пришедшего к славянам через посредство тюркоязычных народов, прежде всего болгар. Точка зрения М. Рясянена состоит в следующем. Древнее китайское слово *кюань* ('книжный, бумажный) свиток' (сейчас оно читается *цзюань* и значит 'глава или отдельная тетрадь книги') было заимствовано древними тюрками. В современных тюркских языках оно уже не употребляется, но было известно древним тюркам (уйгурам). В «Древнетюркском словаре» слово отмечено в сочетании *күйн битиг* (*küjn bitig*) 'свиток' из уйгурской буддийской сутры (священной книги) «Секиз йүкмәк» (Восемь случайных свойств). Правда, в основу общеславянского слова легла не форма, обнаруженная в древнеуйгурских текстах, а производное от нее уменьшительное существительное *күйниг*, буквально 'книжечка' (мы хорошо знаем, что уменьшительные формы иногда теряют первоначальное значение, подобно русским словам *книжка*, *ножик*, где исторический уменьшительный суффикс уже ничего не значит). Возможно, что тюркская форма *күйниг* возникла под влиянием другого, более распространенного древнетюркского названия книги — *битиг* (от китайского *би* 'кисть для письма').

В Европу древнее тюркское слово было занесено из степей Центральной Азии, вероятно, во время так называемого «великого переселения народов», когда под натиском кочевников, пришедших из Азии, сильно изменилась карта расселения народов средневековой Европы. Первая и самая мощная волна пришельцев состояла из

гуннов, которые появились в Европе в 375 году. К меньшим потрясениям привело более позднее вторжение аварских орд. С гунно-аварскими потомками связывают кочевых тюркоязычных булгар и хазар, которые впоследствии заселили степи Восточной Европы.

Позднее булгары южнорусских степей разделились на три самостоятельных народа. Одна часть булгар ушла в район Подунавья, где покорила дунайских славян в 679 году. Они скоро растворились среди славян, оставив последним лишь название *болгары* да несколько заимствованных слов. Также утратили свой прежний язык булгары, оставшиеся в Приазовье (кубанские или черные булгары). Вероятно, как воспоминание об этих народах до сих пор живет название *балкарцы*, язык которых потом подвергся обновлению в период господства половцев в южнорусских степях. И только третья часть булгар, удалившаяся в район Среднего Поволжья, сохранила основу древнего языка, в который, однако, влилось множество чуждых по происхождению элементов. Этот значительно обновленный и исторически изменившийся язык продолжает жить в современном чувашском, в то время как наши сведения о языках кубанских и дунайских булгар чрезвычайно скудны. Они основаны преимущественно на сохранившихся в сочинениях древних историков собственных именах и на заимствованиях, которые вошли в языки соседних народов и впоследствии усвоенные булгарами местные языки.

М. Рясянен предполагает, что древнее тюркское слово *kijin* (в исходной неуменьшительной форме) сохранилось в современных чувашских диалектных словах — *кoнь*, *кoнья* 'пространство, занятое на ткани узором'. Это новое значение развилось в чувашском языке исторически из прежнего 'исписанное, написанное'.

Из уже исчезнувшего болгарского диалекта была заимствована в славянские языки уменьшительная форма *kijinig; на славянской языковой почве она стала звучать *кънига* в результате изменения краткого звука *ij* в своеобразный очень краткий славянский звук *ъ* (ср. *торкы* из *тjурк*), который исчез в этом слове бесследно (о звуке *ъ* и его судьбе см. «Русскую речь», 1968, № 5). Тюркский звук *ij* в этом слове также исчез, но смягчил соседний согласный *n*, превратив его в очень мягкий *nʷ*. Сербскохорватское *књига* и словенское *knjiga*, как и старославянская *кънига*, указывают на большую древность

смягчения, которое отмечается и в чувашских диалектизмах *конь*, *конья*. Конечный звук *-а* в славянском *книга* представляет собой окончание существительного и возник тогда, когда слово стало осваиваться славянами.

Из другого болгарского диалекта (скорее всего это был уже древнечувашский язык) заимствовано эрзянско-мордовское название бумаги — *коне* (конов). Любопытно, что и у славян слово *книга* имеет одно из значений 'бумага'. Такое значение развилось у него, например, в болгарском и сербскохорватском языках. Слово попало в мордовский язык после того, как в древнечувашском согласный *-г* изменился в *-в*. Уже от русских мордва заимствовала слова *книга* и *книжка*, которые употребляются и в эрзянском и мокшанском языках.

Из сходного болгарского диалекта было заимствовано также древневенгерское *könyü* 'книга', сохранившееся лишь в архаическом секейском диалекте венгерского языка, но изменившееся в современном литературном венгерском в *könyv*. Многие языковеды (например О. Прицак) считают, что болгарские слова проникли к венграм во время их тесных связей с кубанскими (черными) булгарами в районе Северного Кавказа.

Более древний облик кубанскобулгарского слова отражен в осетинском языке, где сохраняется конечный заднеязычный согласный: литературная (ирпская, восточная) форма *чыныг* (с долгим *и* начального слога, длительность которого связана с выпадением согласного *й*: *kīnyg* > *čīnyg*), западноосетинские (дигорские) формы *kinugə*, *kiwnugə* 'книга, письмо'. В. И. Абаев в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» считает осетинские слова русскими заимствованиями: с этим трудно согласиться из-за долготы гласного в первом слоге, которая едва ли могла возникнуть у краткого вставного гласного. Кроме того, гласный *у* второго слога в дигорских формах хорошо отражает так называемый тюркский сингармонизм, для которого характерно огубление гласного второго слога под воздействием огубленного гласного в первом слоге.

Гласный начального слога утратил лабиализацию (огубление) на осетинской почве в результате расподобления двух огубленных гласных (первого и второго слогов); это тем более вероятно, что в тюркском здесь был представлен гласный *й̤* переднего ряда, которого нет в осетинском языке. В результате безударный гласный *й̤* был

передан в осетинском долгим гласным *и* в первом слоге или же сочетанием *иу* (дигорское), а под ударением гласным *ы* в иронском и гласным *у* в дигорском диалекте. Влияние русского языка на дигорские осетинские формы могло сказаться лишь в добавлении конечного гласного звука после заднеязычного *г*.

Итак, древнее тюркское слово утратилось современными тюркскими языками, но хорошо сохранилось во многих языках Восточной Европы (славянские, мордовский, венгерский, осетинский) в виде названия книги или бумаги: ведь бумага употреблялась как материал для книг, хотя и пришла в Европу позже названия книги.

В пользу предположения о тюркском происхождении славянского слова *кѣнига* говорит также заимствование древнерусским и старославянским языком наименования для книжника и книголюба — *кѣнигычи*. Это слово — типичное тюркское существительное со значением лица, образованное при помощи суффикса *-чи*: *кѣйнигычи. На славянской почве из тюркского сочетания согласных *гч* образовалось *гъч* (вставлен очень краткий гласный *ъ*). В дальнейшей истории русского языка слово *кѣнигычи* изменилось в народно-разговорное *книгочѣй*, а в книжных стилях речи оно стало произноситься архаически — *книгобчѣй* (этому слову посвящена специальная статья в «Русской речи», 1968, № 2).

Слово *книга*, как отмечается в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка», имеет три значения: 1. Печатное издание (в старину — также рукопись) в виде сброшюрованных, переплетенных вместе листов с каким-нибудь текстом; сочинение, произведение более или менее значительного объема, напечатанное отдельным изданием или предназначенное для такового: «Читать книгу. Писать книгу». 2. Сшитые в один переплет листы бумаги для каких-либо записей, с какими-либо записями: «Канторские книги. Бухгалтерские книги». 3. Одно из крупных подразделений литературного произведения (обычно романа); то же, что номер (о толстом... журнале): «Третья книга романа. Вторая книга журнала».

В древнерусском языке у слова *кѣнигы*, которое употреблялось преимущественно во множественном числе, было больше значений. Перечисление их вместе с цитатами в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского занимает более двух страниц большого формата. Значение древнерусского слова во многом напо-

минает значения старославянского; это и не удивительно: ведь древнерусский и старославянский языки были чрезвычайно близкими.

В древнейшем памятнике восточнославянской письменности — «Остромировом евангелии», переписанном в 1056—1057 годах со старославянского оригинала, слово *кънигы* употреблено в значении 'буквы, письмена': «Бѣ и написаніе написано надъ нимъ кънигами елиньскими, и римьскими, и еврейскими: се естъ ц(ѣса)рь иудейскъ». В греческом оригинале ему соответствует слово *γράματα* (множ. число) 'буквы', которое впоследствии было усвоено русским как *грамота* и перешло в прибалтийские языки: литовское *grāmata* 'письмо', латышское *grāmata* 'книга', эстонское *raamat*, финское *raamattu* 'книга, писание, библия'. В церковнославянском изводе позднего времени это место евангелия звучит несколько иначе: «Бѣ же и написаніе написано надъ нимъ письмены елинскими и римскими и еврейскими: сей естъ царь іудейскъ».

Слово *кънигы* в значении 'буквы' употреблялось и в оригинальных древнерусских памятниках, причем часто чередуясь со словом *букъве*. В «Повести временных лет» под 898 годом: «Нѣци же нач(а)ша хулити Словеньскыя книги, гл(аголю)ще, яко [что] не достоитъ [не достойно] никоторому же языку [народу] имѣти буквѣ своихъ развѣ еврей, и грѣкъ и латины по Пилатову писанию, еже [которое] на кр(е)стѣ г(о)с(под)ни написа» (летопись по Ипатьевскому списку). Здесь речь идет о создании славянской азбуки.

Как слабый отзвук однозначности слов *книга* и *буква*, существуют в современном русском языке шуточные прозвища *книгоед* и *буквоед* с производными *книгоедство* и *буквоедство*.

Употреблялось слово *кънигы* и в значении 'письмо, послание'. Именно это значение обнаруживается в «Поведании о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского»: «Пиши книги к нему». Интересно отметить устойчивое выражение *книги разумѣти* или *вѣдѣти* 'знать грамоте'.

В устойчивом выражении современного русского языка *ему и книги в руки* (о знающем, осведомленном человеке, у которого есть все возможности для каких-либо действий) сохранилось еще одно, старинное значение слова *книгы*. Оно обнаруживается в другом варианте того же фразеологического оборота — *ему и карты в*

руки. Из этой замены лишь одного слова ясно, что *книги* и *карты* значили здесь одно и то же. Интересно, что и в болгарских говорах слово *книги* имело значение 'игральные карты'. Ср. также молдавское *картя* 'книга' и 'карты'. Кстати, в сборнике русских пословиц XVIII века, составленном И. Ф. Богдановичем, встречается любопытное противопоставление карт и книг:

За разум хватился книжочий Памфил,
Распродавши-де книги, да карты купил.

Очень древним можно считать также известное многим славянским языкам значение слова *книга* — 'часть желудка жвачных животных'; слизистая оболочка этой части образует множество больших листообразных складок, которые свисают, прилегая одна к другой, как листы в книге. Однако в этом значении чаще употребляется форма *книжка*.

Никакого отношения к разобранному слову не имеет название птицы пугалицы *книга*, которое В. И. Даль отметил в западных и южных русских диалектах, соседящих с белорусским и украинским языками. В украинском тоже имеется слово *кніга* 'чайка'. В чешском диалектное название птицы *kníha* отличается от слова *kníha* 'книга' долготой гласного *и* в корне. Названия птицы — явно звукоподражательные, что видно, если сопоставить это название с другими: *кнігалка*, *пугалка*, *пугалица*, *чібес*, *чібис*, *кїгалка*, *настовица*, *настóвница*, *лугóвка*, *луговіца*, *кигїчка*, *кигїкалка*, *вюха*, *чайка*, *півик*, *пїголка*. Большая часть этих названий, безусловно, передает крик птицы, воспринимающийся неодинаково. Есть подобные названия и в других славянских языках: украинские *кигїтка*, *кигїця*, *кигїчка*, белорусское *кнігаука*, чешские *kníhalka*, *kníhavka*, *knikavka*, *kníha*, *kníhoga*, *ahežka*, *áhežka* и др. Все они возникли в разных славянских языках, вероятно, независимо друг от друга.

Итак, слово *книга*, распространенное во всех славянских языках, имело довольно сложную судьбу, придя к славянам из китайского языка через болгарско-тюркское посредство. По пути к славянам и у славян это слово испытало сложные изменения в своем значении и звуковом облике.

В дальнейшем слово *книга* получило широкое распространение, начав повый круг истории, двигаясь уже из русского и других славянских в неславянские языки.

Давним русским или белорусским заимствованием считается литовское *knugà*. Представлено это слово и во многих современных финно-угорских языках. Хантыйское *kniga*, *kənək* и *k^b ənik'* ³ заимствовано прямо из русского (если сохранена мягкость согласного *н^b*) или через посредство татарского (если *н^b* отвердело). Мансийское *книга* вместе с диалектными вариантами *kuńikä*, *kińix*, *kińikä*, *kińik*, *kńikə*, *kńika*, *kńīgá* и т. п., а также *kńiskə*, *kńiska* представляет собою заимствование непосредственно из русского языка слов *книга* и *книжка*, а старые и диалектные формы *кeпex*, *кəпx* (множ. — *kə-pəkt*) с отвердевшим *н* говорят о заимствовании через татарское посредство.

В марийский язык вошло не только русское *книга*, получившее разное звучание в разных говорах и наречиях (*книгá*, *кн'игá*, *кн'ишкá*, *кн'ешкá*, *кн'ишкá*, *кн'игá*, *кйн'игä*), но и *книгочей*, превратившееся в *кнагаче* 'грамотный'. Впрочем, *кнагаче* можно считать и марийским образованием при помощи суффикса *-че*. В коми-зырянском языке русское слово употребительно в двух формах — *нига* и *книга*.

Чувашский язык, в котором слово *конь* утратило первоначальное значение 'книга' и стало названием пространства на ткани, занятого узором, использовал для названия книги русское слово *книга*, изменившееся в современном чувашском в *кёнеке*: оно известно по словарям с XVIII века. Уже на чувашской почве было образовано существительное *кёнекесё* 'книжник', напоминающее русское *книгочёр* — *книгочий* (см.: А. Е. Горшков. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963). Иное мнение на чувашское слово *кёнекесё* высказал А. С. Львов (Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966), считающий его исконным чувашским словом, унаследованным из древнебулгарского языка.

Попало это слово и в другие тюркские языки. В «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова отмечены следующие тюркские формы: алтайское и телеутское *кинйү*, казанско-татарское *кинйгä*, *кинäгä* 'книга; русская книга в отличие от книг, написанных арабским письмом, которые назывались *китап*'; '(конторская) книга', *кнäгä* 'книга, конторская книга'. Встречается это слово и в «Русско-татарском словаре» А. Воскресенского, в словарях Н. П. Остроумова и Г. Балинта. Сейчас татарское

кенэзэ считается диалектным. В современном ногайском есть синонимы: руснизм *книга* и арабизм *китап*.

В киргизский язык вошла только форма *книжка*, которая в литературном употреблении сохраняет русское написание и произношение, а в разговорно-бытовом превращается в *кинешке*. В якутском слово стало звучать *кiнiгä, кiнiгä, кiнiгä, кiрiңä* при неизменном значении, зато *книжка* приобрело звуковой вид *кiнiскä* и получило значение 'сусальное золото', ибо и по-русски листы этого золота в пачках назывались *книжками*. Русское редкое диалектное *книгочёт* 'любитель читать книги' превратилось в якутское *кiнiгäсит* 'книжник'. Заимствовано оно и другими языками народов нашей страны.

Слово *книга* являет собою образец так называемого «бродячего слова», или «культурного термина», который легко переходит из одного языка в другой, преодолевая большие расстояния и множество языковых границ (см.: И. Г. Добродомов.— «Русская речь», 1971, № 1). Особенно большую активность оно приобрело в русском языке, из которого его заимствовали многие народы нашей страны; оно стало наглядным отражением культурного влияния русского народа. Распространение таких слов способствует созданию так называемого «общего лексического фонда» во многих языках нашей страны и их сближению на русско-интернациональной основе.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

ТОЛМАЧ И ПЕРЕВОДЧИК

Переводческое дело было известно на Руси издавна. Летописец повествует, что уже в XI веке многие писцы для князя Ярослава «прекладаше отъ грекъ на словѣньское писмо» (Лаврентьевская летопись, год 1037 г.). Старинные мастера слова оставили нам богатую переводную литературу. Это богослужебные книги и художественные произведения; труды по астрономии и астрологии, геометрии и географии, естествознанию и философии, по истории инозем-